Тянулись часы. Тянулись дни и даже недели. Пленители приходили и уходили: чтобы воспользоваться услугами податливого и всегда готового к сношению тела ехидны, либо для пополнения провианта. Несколько раз притаскивали с собою тела: порою ещё мёртвые, порою - живые. Искалеченных оружием или зубьями раскинутых по дорогам капканов людей разделывали кусками, крутили на фарш и пускали на колбасу. Те, что были живы - отправлялись в "кладовку", чтобы этим сохранить свежесть. Спустя же несколько дней они "выходили" оттуда в виде мослов и подгнивающих туш.

И всё это происходило на глазах у пленённой ехидны, терзая этим её и без того искалеченный мозг. Так что скучать ей отнюдь и не приходилось, особенно - в такой хорошей компании, которую так любил составлять ей тот погорелец: после первого визита Кевина Пигвика, матушкой было решено упрятать его вместе с пленницей. Уж по крайней мере до тех пор, пока с него не сошли бы все волдыри, а кожа не лишилась бы неестественного оттенка. Однако же за время своей ссылки он нашёл "подход" к пленнице. Уж как минимум - к одной из них. И сейчас он сидел на столе, к которому была привязана Шаос, и резал неприглядного вида колбасину, мимоходом смеясь при виде натужных попыток ехидны вырвать из его пальцев нож - он отвязал ей руки, чтобы девчонка могла немного пошевелиться, и чисто в шутку протягивал ей кулак, в котором его и держал. Мужчину забавляли её бессмысленные потуги и те сопящие звуки, которые она при этом издавала. Глупая то пыталась разжать его пальцы своими жалкими лапками, то - пыталась бы царапалась милыми кругленькими ноготочками. Словно полностью безобидный маленький сердитый зверёк. Вот только когда она лезла кусаться беззубым ртом - он бил её рукоятью в лоб. Чисто в шутку. И ведь ей не надоедало! Она всё равно с сопением и скулением пыталась отнять его! Будто бы она сломалась, но сломалась неправильно, поселив в голове слишком навязчивую идею беспрестанно вошкаться, а не лечь и принять свою судьбу неподвижно.

Ничего страшного - эти потуги были настолько жалкими, что на них можно было и не обращать никакого внимания. Но когда это надоело уже ему самому, то он вздёрнул ехидну за ошейник, придержал её к себе задом и самым остриём ножа коснулся её спины - прямо того желобка меж лопаток, где проходил её ехидновский позвоночник. Медленным движением он провёл вниз, до самой поясницы пересчитывая каждый её позвонок.

Девушка взвилась подобно усыпанному солью червю - кожа раскрылась, обнажая под собой красную плоть и белёсые вкрапления костей. Хлынула кровь. И безудержно скулящая Шаос попыталась свернуться клубочком, чтобы перетерпеть эту боль и дать организму возможность остановить кровотечение, но надзиратель схватился за её ошейник мощной кистью руки и грубо подтащил поближе к себе. Он с силою втиснул палец в свежеобразованный разрез, загоняя его глубоко между позвонков. Скручивая вокруг него кольцом и…

С противным звуком он разорвал тянущиеся меж костяшек кроваво-красные нити спинного мозга, из-за чего давящее чувство стягивающих стопы верёвок мгновенно исчезло. Ног своих она более не чувствовала…

- Эхх, жаль тебя саму есть не позволяют, а только мучать помаленьку! Вот зажили бы мы тогда!..

Плечей бьющейся в дрожи девчонки коснулась окровавленная рука и в шутку пририсовала её

пенящемуся слюной рту широкую, довольную жизнью улыбку. А после - вложил ей меж губ вырванный позвонок, с зажимом рта заставляя её его проглотить…

Сверху, по настилу из дерева послышались тяжёлые шаги. Открылся и люк, чтобы впустить и остальных братьев… Ей же было не обязательно что-то чувствовать, чтобы исполнять свой супружеский долг?

***

Кто-то сказал бы, что он - баловень судьбы. Обладатель недюжиного интеллекта, исследователь, член инокополисского клуба джентельменов, муж и отец. Кто-то - что он комичный уродец, родившийся в семье богатеев, а поэтому никогда не знавший никаких проблем с достатком. И всё же Кевин Пигвик по жизни своей был неудачником. Ведь чего он добился своими усилиями? Был ли он на самом деле примерным семьянином? Нет. Сын его вырос хитрой падлой, а жена… ну, действительно женою она ему не была. Первая погибла шестнадцать лет назад, а этот брак был заключён по привычке и ради того, чтобы объединить быстро утекающие финансы с финансами закованного в кресло друга - иначе бы он уже мог пойти по миру с протянутой рукой. Спонсорство в научных проектах едва ли могло покрыть его собственные аппетиты, с которыми он тратил своё состояние, кидая его в бездонную топку исследований, которые оканчивались ничем - либо провалом, либо результаты их были настолько незначительными, что они не приносили ему ни имени, ни достойного заработка.

Но была у него одна черта, которая одними только своими размерами могла заслужить уважение: он был азартным. И люди, которые разгромили его дом, тем самым бросили ему вызов, от которого он не мог отказаться. Спустя два месяца с половиной он так и не решился бросить поиски своей семьи. Он заебал всю городскую стражу, от чего его самого на две недели заперли за решёткой, нанимал частных сыщиков, прочёсывал болота и протоки. Нанимал гадалок и прочих шарлатанов, желая найти хотя бы их тела! Но ничего - не получилось найти даже служанок, которые в случае смерти должны были возродиться и, возможно, пролить свет на то, кто именно был ответственен за это нападение и кому было суждено понести на себе кару. Максимум, что доходило до его уха, так это то, что якобы где-то в городе встречали парня, по описанию похожего на его сына, но то ещё мало о чём говорило - у Флинна в принципе не слишком примечательная внешность. Тут таких холщеватых мажорчиков хватает и без него.

И сегодня он наворачивал уже третий круг по болотам, обыскивая дома местных жителей - что их уже конкретно достало, из-за чего они клялись себе в том, что коли он хоть ещё раз посмеет их побеспокоить - они его убьют. Убили бы и сейчас, но этим днём Кевин нанял настоящих, матёрых боевых наёмников, ежели за таковых можно было считать глуповатого героя-варвара, не в меру заносчивую Проводницу по Белому Мосту, пропойца-волшебника и какого-то мутного карлика-вродебыжреца. Зато он их уже знал, а поэтому они согласились отправиться на поиски его семьи хотя бы с какой-то личной заинтересованностью, нежели их предшественники.

- Птицеликий, это снова ты? - В тот момент, когда Кевин Пигвик снова нагрянул к ней в гости, матушка занималась стиркой - крепкими руками месила в деревянной бадье портки своей многочисленной семьи, пока детишки резвились во дворе… хотя казалось, что их игры уже давно переросли в настоящую драку, во время которой поднялся дикий ор, а в ход пошли

камни и палки. Разнимать их пришлось уже старшакам, щедро отвешивая им по задницам пендели. Барри при виде этого зрелища глубоко вздохнул, испытывая невиданной силы ностальгию по родной Чалке-Каа. - Что-то ты зачастил, друг мой, зачастил… Что, так и не нашёл своих ненаглядных пропаданцев?

- Матушка, я прошу разрешения осмотреть твоё хозяйство ещё раз. Ещё один, последний раз.

- Ну и ну. Прям уж в последний? - Старуха скособочилась. С выражением зацокала языком и в несерьёзной манере произнесла: - А я уже была готова предложить тебе стать папочкой для моих сыновей.

Большинство же из "Волков" наблюдали за творящимся здесь цирком с ощущением сильной моральной измотанности - они уже понавидались за последние пару дней местных устоев. Их всех уже чуть было не переженили на своих дочерях и сыновьях (Вольфий едва-едва отказался), хотели опоить жабьей настойкой (Вольфий едва-едва отказался) и дважды чуть было не убили (в этот раз Вольфий отказался сам и весьма решительно). Не первый раз они стали свидетелями разгоревшейся прямо внутри семьи драки - крича о каких-то голосах в голове, старуха зарубила своего мужа, а потом чуть было не проредила и часть своих великовозрастных детей. Те общей гурьбой завалили её и разбили той о пол голову, после чего сами начали орать некий бессвязный бред. Возможно ли, что всё дело было не только в селекции оставшихся здесь людей, но на них всё ещё оказывалось некое влияние погибшего бога? Или дело было в каких-нибудь спорах? В отравленной воде?

Матушка же Фагренда приняла их весьма радушно. Распахнула свои заплесневелые двери и в очередной раз провела пятерых гостей по всему дому. Позволила заглянуть под каждую из кроватей, в каждый понравившийся куст, потыкать длинной палкой (которой оказался посох Вольфия) грязь в свинарнике и посетить подвал. Обычный, сука, подвал, где и в этот раз не произошло чуда: на них не выбежала измученная Райзи и вся в слезах не бросилась к мужу на шею, а похитившие её люди не потупили головы в искреннем сожалении за содеянное.

- Я не знаю, что вы надеетесь здесь найти. – Болотная жительница развела руками, стоило им всей гурьбой спуститься вниз по лестнице. – Мы – обычные люди, которые всего лишь пытаются выжить.

Обычные люди? Ну, да. Очень на то похоже - но когда "Волки" ползали по дому и его окрестностям, то им не давали расхаживать просто так - за ними следили. Следили и неотступно ходили по пятам, из-за чего наёмники прямо ощущали на своих спинах внимательные взгляды и готовность в любую секунду броситься в кровавую драку, чтобы целой толпою подмять под собой непрошенных гостей, стоит им сделать какое-то неверное движение. Причём люди эти определённо были вооружены, хоть и пытались скрывать это, пряча ножи и прочие ударно-колющие предметы в складках бесформенных мешковатых штанов.

Да, и снова - речь шла не о членах.

Однако же, подобная осмотрительность хоть и могла настораживать, но, познав уже к этому

времени местные нравы, излишней она отнюдь уже не казалась. Ну не могли тут жить приятные в общении люди!

- Это всё - сироты? - Поинтересовалась Брилль, пока остальные из "Волков" разбредались по подвалу… точнее, пока Барри и Вольфий разбредались по нему. Сама она осталась стоять рядом с Фагрендой. Кевин и Дурин - с нею же. Последний так и вообще не проявлял никаких интересов к поискам. Он опёрся на свой монструозный тигель и лениво покуривал вонючую махорку, впустую пялясь серыми очами на беседующих между собой дам. Возможно - с намерением лишний раз побесить Брилль. Она от него этого вполне ожидала. А вот всем её сыновьям спуститься уже не удалось - им просто не хватило бы тут места, поэтому вниз их сопроводил всего один из старшаков, да ещё двое расположились на лестнице. Остальная же неведома какая толпа осталась ждать снаружи. - Могу сказать, что это - благородный поступок. В наши дни сложно найти заботливых людей…

Фагренда ей была не мила - уродливая старуха, живущая в грязи и разрухе. Её жизненная позиция на корню противоречила образу благополучия в голове привыкшей к комфорту жрицы, однако же она была женщиной. Сильной женщиной, из-за чего эльфийка ну никак не могла не встать на её сторону. Ей нужно было придумать как можно более достойное объяснение такому количеству детей в округе. Не сама же она их там строчила, по трёх за раз и считая одних лишь мальчишек? Хотя, судя по странным очертаниям скрытого под засаленым халатом живота - кажется, она-таки решилась ещё на одного. Чай, нашлось им куда слить своё семя до того, как посчастливилось поймать ту всегда готовую девку.

- Я всегда хотела большую семью. Это было нашей с мужем мечтой.

Пустая болтовня. Ещё и слабо контактирующая с реальностью - эта старуха сама бы не успела нарожать столько детей. Уж одних только мальчишек - тем более. В половине случаев должны были рождаться и девочки, что не только бы увеличило потенциальный выводок в два раза, но и поднималл вопрос о том, куда они их девали. Но Кевин был вынужден стоять и ждать. Сам-то он был здесь уже дважды. И оба эти раза окончились без всякого толку, а поэтому лишь кривил стиснутые губы, с последней надеждой глядя на путешественников, чай что "Волки" были не в пример тем оболдуям, которых он нанимал ранее: трудились они на славу. Пусть и не полным составом… В принципе, чем-то действительно полезным занимался один лишь только Барри, а остальные лишь напыщенно выглядели… Ладно, Вольфий выглядел не слишком-то напыщенно, зато он тоже хоть что-то делал! По крайней мере ходил и куда-то бессмысленно пялился водянистыми глазами.

Ну, короче! Они оглядели здесь каждый угол. Заглянули во все ящики с пустившей ростки картохой и бочки с выедающей глаза квашеной капустой. Даже банки с соленьями осмотрели - и те не выражали в себе ничего подозрительного. Вольфию даже предложили попробовать местной тушёночки и он был вынужден сделать заключение, что она оказалась вполне сносной. Хотя перчика бы он добавил… И под водочку бы ух как было! Красотища!.. Наконец, Барри припал к полу и, в свете висящего над головой Брилль светлячка, тщательно проверил его на предмет царапин или иных подозрительных следов, будь то наличие-отсутствие пыли или неравномерная продавленность ножками, что говорила бы о том, что здесь периодически двигали мебель… Он хоть и глупый - но чему-то его жизнь научила!

Варвар лишь качнул головой: ничего. Он не нашёл ничего подозрительного! Здесь ничего не двигали. Здесь не имелось ни единой скрытой полости. Этого не нашли здесь до них - этого не нашли и "Волки". С явно наигранным любопытством, Вольфий ещё какое-то время покрутил в руках подвявшую картофелину и тоже признал своё поражение. Здесь его академическое колдовство помочь, увы, тоже не могло. Ему была подвласна школа разрушения, но в предсказании и иллюзиях, увы, он был не сведущ.

- Ну так что? Мы удовлетворили ваш интерес? Или же вы хотите заглянуть куда-то ещё? Может быть, покопаетесь в отхожем месте? Я могу лишь посоветовать вам проверить старика, что живёт в полуторе тыщщах шагов отсюда. Клавса. Он любит молоденьких девушек. Быть уж может, что чуть более молоденьких, чем твоя пропавшая жёнушка, но уж ежели ты сам сказал, что она у тебя была тщедушненькая…

Кевин уже бывал у него ранее. Там нашлась любопытная коллекция туфелек и бельишка, но для ног Райзи они бы оказались маловаты, а подобные фасоны предпочла бы одна из его служанок, но не его жена. К тому же, он сильно сомневался в том, что этот старик, в большей степени уповающий на всякие настойки и просьбы помочь донести тяжёлые сумки, был способен подобным образом разгромить его поместье. Здесь нужна была грубая сила, которая имелась в наличии как минимум у пятерых семейств, не считая этой вот Фагренды.

- В таком случае… - С крайней неохотой начал говорить Кевин. И каждое слово давалось ему нелегко, потому что он знал - больше он сюда уже не вернётся. И если он действительно упустил хоть какую-то зацепку в этой проплесневелой хибаре - то жену он свою уже не найдёт. - Я прошу меня извинить за предоставленные…

Возможно, что от неё уже ничего и не осталось. Платье её сожгли, кости - размололи и пустили на прикорм курям, а мясо… может быть - отдали псам. Но это вряд ли, скорее всего его сами и съели, ибо земля здесь скудна на всякий урожай.

Стоило ли сосредоточиться на поисках вслепую? То есть просто прочёсывать эти неблагоприятные земли, заглядывая под каждый камень и куст? Стараться влезть на каждый из захудалых болотных островков? Скорее всего - ценою жизни своей собственной, наравне с теми двумя бедолагами, что бесследно сгинули в размокшей жиже во время неудачного поиска перехода через проток.

- …неудобства.

Будь оно проклято. Будь оно проклято, но он понимал. Понимал, что эта старуха, с этой её ехидной улыбочкой, будто бы смеялась над ними. Дразнила нотками своего хриплого, но сильного голоса. Она была непроста. И эти верзилы-сыновья, с их смешками и ухмылками, что смотрели на него сверху вниз словно бы на присохшую к подошве грязь.

То, что их сюда пустили - уже было похоже на какую-то шутку. Чтобы щёлкнуть глупого горожанина по его наивному носу.

- Что? Уходим уже? - Пробурчал карлик, на что получил ответ уже от Брилль. Как обычно - в её тоне, то есть пренебрежительный и горделивый. Будто бы он опять произнёс какую-то полную чушь.

- Да. Также мы выражаем наше раскаяние за то, что посмели отвлекать Вас. "Волки", собираемся! Здесь ничего!..

"Здесь ничего нет!" - хотела произнести Брилль, но её громкий, звонкий голос потерялся где-то за низким бурчанием карлика:

- А что насчёт твоих служанок?

Лысый коротышка щёлкнул толстыми короткими пальцами, отправляя окурок в тёмный сырой угол, где он разок брызнул фонтанчиком ярких искорок и затух. Но несколько из них оказалось чрезмерно живучими - они цеплялись за свою особенно рьяно, успев отразиться в серебряных застёжках на одежде Брилль, на показывающихся среди складок одежды ножах и любопытного вида украшении матушки Фагренды, что всё это время так и мозолило взгляд Дурина. Стоило ему только увидеть, как она полоскала его в тазу с грязными шмотками.

- Служанок? – Удивился Кевин. Да, их поиски он также вёл, но ими занимались специально нанятые люди в самом городе… Но к чему же в таком случае был этот странный вопрос? – Одну из них вы уже встречали, а вторая… Ну, она тоже была необычна собой. Такая очень, очень низенькая дамианка. С виду вся мягенькая, с широкими бёдрами и длинными голубыми…

Он ещё не окончил, как на него уставилось целое множество глаз. Даже Барри – и тот заулыбался, скаля зубы в глуповатой улыбке. Ведь кто же, блядь, ещё мог соответствовать этому описанию?! И когда Брилль закатила глаза, изображая внезапно накатившую на неё усталость и пренебрежение, а варвар уже втянул воздух и разинул своё тренированное хайло, чтобы выкрикнуть о том, что он может знать, о ком это может идти речь - карлик качнул плечом, сбрасывая покоившийся на нём тигель и позволяя ему уйти по широкой маятниковой дуге, с инерцией проминая живот стоявшей позади него старухи…

Брилль попыталась что-то выкрикнуть, намереваясь предупредить женщину - или же каким-то образом остановить этого психопата - но губы её не послушались. Они не успели вслед за мыслями - зато с какой-то запредельной чёткостью жрица смогла различить на искажённом лице карлика маниакально широкий оскал - эти серые, плотно стиснутые зубы, до корней изрытые тёмными трещинами. А ещё то, как глубоко рукоять тигеля вошла в упругую, но податливую плоть на животе Матушки. Как её юбка прямо на глазах стала окрашиваться в алый цвет, а сама женщина потянулась к нему руками и начала сгибаться вперёд. А затем карлик столь же плавным… а по факту - неуловимо молниеносным движением вывернул оружие уже навершием в сторону жертвы и подсёк болотную жительницу под колено, валя её плашмя на спину - и снова что-то влажное брызнуло меж её нож, заливая собой пол и…

Эльфийка успела выжать из себя только неоформленный вопль, как за спиной её раздались басовитые крики мужчин - сыновей матушки Фагренды. И было трудно сказать, какие чувства

они успели испытать при виде того, как это злобное низкорослое существо без всякого предупреждения осмелилось напасть на их мать. Как оно свалило её с ног и отделило её от смерти всего лишь каким-то мгновениями, но ждать они не стали. Не теряя и сотой части секунды на излишнее промедление - они сорвались с места. Спрыгнули вниз по ступенькам, прямо на ходу выхватывая из глубоких карманов ножи с тем расчётом, чтобы зарезать ублюдка прямо первым же выпадом - но даже их реакции не хватило на то, чтобы опередить Барри, ибо юноша, в отличие от Брилль, Вольфия или Кевина не замер в потрясении от содеянного их товарищем. Его чувство товарищества сработало молниеносно – столь же молниеносно, как и его мускулы, которые в два прыжка поставили его на пути жителей болот. Широким взмахом топора, он заставил их остановиться и взойти обратно на ступени, чем предоставил карлику необходимое для его замысла время… Нет, рядом с ним конечно же оставался ещё один из старших сыновей, что спустился вниз вместе с ними со всеми. И он сумел насесть на Дурина, сперва влепив ему по башке грубой стальной дубинкой, что оставила на крепком черепе заметную вмятину, а после - и того прижал её карлику к горлу и начал валить на спину, но….

С висящим у него за плечами центнером мускулов - Дурин сделал короткий отскок назад. Перехватился на рукояти и высоко вознёс оружие прямо над головой, в широком размахе прикладывая чугунную чашу о пол. Словно бы обычным молотом, только вместо клина или докрасна раскалённой заготовки на пути его оказалась искажённое от боли лицо женщины. Она едва-едва успела выставить перед собой руки, а уже следующим мгновением прям меж ними прошёл тяжеленной кусок металла, размалывая её череп в кроваво-костную кашу. Лишь только в конвульсии подёрнулись обнажившиеся под платьем ноги да повсюду застучали зубы - по стенам, по потолку. По полкам и полу…

- Э-эээто пиииздееец!.. - Схватилась за голову Брилль и прыгнула куда-то в сторону, лишь бы убраться из общего замеса - а замес тут намечался знатный.

Дурина тоже пал. Его ачали седлать, избивая по лицу кулаками и рукоятью дубины, но крепкая дворфийская черепушка этому хорошо сопротивлялась - а поэтому он громко, во весь голос смеялся, не стесняясь вколачивать свои кулаки в рёбра верзилы ответом.

- Ааах же ш ёбана жизнь! - Всклокоченным зверем вылетел из-за стеллажей волшебник и разок приложил того парнягу по спине посохом, отчего эта палка с первого же раза переломилась напополам и ему пришлось долбить его по башке уже кулаками. - Да какого же бляда ты, паскудник, творишь-то?! Вконец ума лишился?!

С лестницы донёсся лакомый хруст костей - один из напиравших на Барри подставился. Юноша рубанул бродэксом по защищённым лишь холщовой рубахой рёбрам, подрубил его и заставил согнуться, вдовесок вонзив лезвие ему в шею - а после мощно двинул локтём, чтоб вломить неожиданно подлетевшему к нему со спины человеку - так уж вышло, что это был Кевин. Он хотел помочь ему со своей тросточкой, но итогом лишь звонко хряпнул переломанной носопыркой и нелепой лягушкою откинулся на спину - так, что сцепившиеся в кулачном бою варвар и второй болотный верзила наткнулись на его распластанное тело и вдвоём пали на спину.

Пали, чтобы начать битву уже лёжа. Два мощных тела сошлись воедино, пальцы сцепились с пальцами, надулись могучие потные мышцы. Воздух прорезали громкие крики ярости и стоны

нестерпимой боли. Вон полетели меховые сапоги и грубые кожаные ботинки. На рвущейся в битве одежде захрустели и нитки, цепляя её ногами - с Барри сдёрнули набедренную повязку. С каждою секундою, но на борящихся оставалось всё меньше одежды, покуда варвар не предстал в одних лишь меховым стрингах и покрывающей всю его левую руку кожаной перчатке, а оппонент его не засверкал кучерящейся волосами задницей.

- Ван! Ван, Ван, Ван! - В ярости взывал к своему божеству Барри, наваливаясь сзади и оплетая противника стальными мышцами ног, пока руки его цеплялись тому за лицо…

Наконец, перестал "играться" и Вольфий - отхватив по рёбрам пару-тройку ударов с локтей, он отступил назад. Плюнул на всё и, прижав руки к основанию его шеи, прочёл заклятие, что заставило воздух пред его раскрытыми ладонями взвиться волчком и…

Это заклятье выпускало шар вьющегося воздуха. При соударении с телом врага оно должно было бить, подобно молоту - швырять, мять и всё такое. Будучи же выпущенным прямо вплотную… Ну, оно сработало как мешалка: жертву скрутило. В одно мгновение вывернуло так, что голова соприкоснулась с плечом, позвоночник - изогнуло дугой. Одна рука уткнулась в рёбра, вторая - заломилась над головой. Раздался хруст связок и… и человека в самом прямом смысле разметало по отдельным кускам: голова - в одну сторону (где с глухим звуком упала в бочку с капустой), левая рука - в другую, разбивая собой банки с крысиной тушёнкой. Скрученное же, всё переломанное и вывернутое тело костлявым мешком ударилось о лежащего под ним Дурина, что заставило карлика придти в сущий кровавый восторг. В состоянии безумия, он намотал на свой кулачище оборванные лоскуты мяса и кожи, что вдоволь свисали с плечей и шеи мертвеца, и ринулся к лестнице, на помощь к Барри, коий был вынужден столкнулся с иной крайне неприятной проблемой - он смог расправиться с тем оппонентом, сломав тому шею, однако же…

Когда он вырвал топор из тело поверженного врага и, пусть и ценою пропущенного удара, что оставил героя с несколькими треснутыми рёбрами, выпустил кишки нападавшему - враги не кончились. Ведь у матушки Фагренды была большая семья… И теперь, все в слезах и соплях, с перекошенными от злости лицами, пред "Волками" предстала толпа из детей. Они повалили с лестницы неотёсанной гурьбою. Падали и спотыкались, громко кричали - но напирали комком из маленьких, сжимающих вострые ножи и прочий хлам ручек.

Брилль снова впала в ужас - она повела головой, ибо не верила, что Барри осмелится дать им отпор. И он… он, выпуская из рук увязший в пузе того верзилы топор, отпрыгнул один раз. Отпрыгнул второй, третий! Он пятился и отступал, ибо драться с детьми… Он не был на это готов! Ему пришлось отступать, оттягивая за собой захлёбывающегося кровью Пигвика.

И вот этот поток из мальчишек спустился с лестницы, словно бы жижей выливаясь из узкого бутылочного горлышка и начиная обильно растекаться по всему подвалу в намерении окружить авантюристов. Испуганных, ревущих, но, сука, злых и обиженных - если только они в самом деле смогут заполонить весь подвал и атакуют сразу всей кучей!..

В воздухе мелькнули дешёвые самодельные штаны и давно расползшиеся ботинки. И

нестройный ряд бегущих оборванцев оказался размётан по сторонам, когда в них, орудуя телом их… брата? Отца? Орудуя хер пойми чьим телом, в эту толпу влетел Дурин. Обезображенный безумным гневом, он раскидал перед собой сразу с десяток мальцов, а после…

- Стой!! - Закричала Брилль…

Было ли Дурину известно понятие морали? Пожалуй, что да. Он вообще много чего знал, да вот только мог легко через него переступать - и он с размаху ударил переломанным телом о пол. Чисто сверху вниз, как будто бы выбивал мокрую после стирки рубаху, разве что весящую почти под сотню килограмм.

Визги усилились. Младое поколение болотников дрогнуло. Те, кто лежал на земле и кого не задело ударом - начали расползаться. Остальные же в большей массе накинулись на карлика. Кто - с ножом, кто - с тяпкой. Кто - с цепью или обмотанным тканью куском стекла. Послышался скрип и скрежет, треск рвущейся стёганки и плоти на лице карлика - кто-то из низ удачно взмахнул огромным ржавым гвоздём, зацепившись тому за щёку и разодрав её в мясо.

- Остановись! - Вновь закричала Брилль. И кто знает, что бы она сделала, если бы Вольфий не дёрнул её за руку, утягивая к стене, к остальным. Ему и самому было бы трудно в этот момент наступить на своё горло, но он смог позволить себе трусливо прятаться за спиной того, кто был на такое способен.

Невзирая никакого внимания на собственные раны, на боль и звонкие испуганные голоса вокруг, Дурин выставил перед собой руку. И подобно удильщику, прямо под непрекращающимися ударами, выцепил из толпы одного единственного, изошедшегося слезами мальчишку. Схватил его прямо за шкирку. Комком, вместе с его начёсанными волосами скрутил за спиной одежду и… Скажем, резко присел, утягивая пацана вслед за собой - так, что он распластался по полу грудью, с сильным грохотом соприкасаясь с поверхностью пола. И - ещё разок. Ещё. Ещё!

Дурин начал в самом прямом смысле вколачивать тело бедного мальца прямо в пол. Раз за разом впечатывая его в доски лицом и грудью. Бил его с силой, с остервенением и яростью, не останавливаясь ни из-за того, что его продолжали резать, нанося всё больше и больше ран, и ни из-за того, что в один момент кости этого мальца не выдержали…

Он продолжал. И "Волки" с ужасом смотрели за тем, как их… их "товарищ", сидя прямо в гурьбе вопящих, режущих и протыкающих его плоть детей, мочалил одного из них о пол. Раз за разом впечатывал его в пол, с каждым разом ломая его уже бездыханное тело всё сильнее, будто бы в желании измазать его до состояния мокрой тряпки, в которой оказывалась бы сломана каждая кость.

Свет огонька дрожал - Брилль едва держала свою концентрацию, чтобы поддерживать его. Ей было страшно. Но ещё страшнее ей бы было оказаться в полной тьме наедине с тем, с кем ей волею неведомого случая было суждено путешествовать вместе. Дыхание спирало. Воздух

густел. Его переполнял ужас. Он пульсировал в висках, непроглядной пеленой застилал взор, лишал воли и иных чувств. Более не было слышно даже тех голосов и воплей. Мальчишки замирали. Они пятились. Они плакали и спотыкались. Расступались по сторонам, кто ещё мог найти в себе силы - полз вверх по лестнице, отбиваясь от братьев, что цеплялись им за ноги.

А Дурин не останавливался. С монотонной преданностью, он продолжал. Подобно биению зловещего сердца, он продолжал бить о пол, даже когда тело начало рваться и расползаться на куски, лохмотьями повисая на его пальцах….

И наконец, но волшебный светлячок над головой жрицы дрогнул. Коротко вспыхнул в самый последний раз - и угас… И в этот самый последний миг, на самой грани света и тьмы, все здесь присутствующие смогли ощутить то, что их пристальное внимание не осталось незамеченным - нечто глубинное устремило им на них свои тысячи неморгающих глаз.

Сгустилась кромешная, всепоглощающая тьма. И слышен был лишь этот ритмичный, удаляющийся стук в ушах…

http://tl.rulate.ru/book/412/83699